МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

международный научный журнал

9 2026

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 9 (61) / 2026

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

При оформлении обложки использован фрагмент картины Джорджа Джоя «Судья и ребенок свидетель».

© ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*
Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*
Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*
Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*
Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*
Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*
Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*
Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*
Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*
Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам *(Казахстан)*
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*
Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*
Искаков Руслан Маратбекович, *кандидат технических наук (Казахстан)*
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, *доктор педагогических наук, и. о. профессора, декан (Узбекистан)*
Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*
Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*
Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, *доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)*
Курпаяниди Константин Иванович, *доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)*
Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Кыят Эмине Лейла, *доктор экономических наук (Турция)*
Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*
Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*
Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук *(Азербайджан)*
Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*
Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*
Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*
Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*
Султанова Дилшода Намозовна, *доктор архитектурных наук (Узбекистан)*
Узаков Гулом Норбоевич, *кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)*
Федорова Мария Сергеевна, *кандидат архитектуры (Россия)*
Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*
Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*
Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*
Шуклина Зинаида Николаевна, *доктор экономических наук (Россия)*

СОДЕРЖАНИЕ

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Большедонова А.В.
Административные правонарушения, совершаемые саморегулируемыми организациями и их членами 1

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Курилов М.Н.
Субъекты реализации национального проекта «Экологическое благополучие»: анализ роли главных фигурантов экологической политики России 9

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Баранчук В.А.
Противоправные действия сексуального характера и шантаж с использованием информационно-коммуникационных технологий 14

Бонько К.С.
Социальная природа уголовной ответственности за похищение человека: ретроспективно-правовой анализ 20

Каржауов Н.Н.
Уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусматривающего ответственность за диверсию, в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан: сравнительно-правовой анализ 24

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Шищенко П.С.
Реализация права собственности Украины на имущество, расположенное на территории РФ: международно-правовые основания и национальные ограничения (на примере Терскольской обсерватории). 31

Административные правонарушения, совершаемые саморегулируемыми организациями и их членами

Большедонова Анастасия Владимировна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Ключевые слова: *саморегулируемая организация, саморегулирование, административное правонарушение, административная ответственность, член саморегулируемой организации, государственный контроль, дисциплинарная ответственность, КоАП РФ.*

Развитие саморегулирования в Российской Федерации связано с изменением подходов государства к регулированию предпринимательской и профессиональной деятельности. Законодатель, сохраняя публичный контроль за социально значимыми сферами, одновременно передает часть регулятивных и контрольных функций профессиональным объединениям. В соответствии с Федеральным законом от 01.12.2007 № 315-ФЗ саморегулирование представляет собой самостоятельную и инициативную деятельность субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности, содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил соответствующей деятельности, а также контроль за их соблюдением [1].

Особенность данного механизма заключается в сочетании частноправовой основы членства с публичной значимостью выполняемых саморегулируемыми организациями (далее — СРО) функций. СРО является некоммерческой организацией, основанной на членстве, однако ее деятельность непосредственно связана с обеспечением соблюдения обязательных требований в определенной профессиональной или предпринимательской сфере [1]. Поэтому ненадлежащее осуществление СРО контрольных, информационных и дисциплинарных полномочий способно затрагивать интересы не только членов организации, но и потребителей, контрагентов и государства.

Актуальность исследования усиливается изменениями административного законодательства в 2026 г. В частности, с 1 марта 2026 г. в КоАП РФ введены

специальные составы ответственности строительных СРО и их должностных лиц, а с 1 октября 2026 г. — специальная ответственность СРО оценщиков [6; 7]. Тем самым законодатель старается отказаться от модели, при которой административная ответственность СРО концентрировалась в основном вокруг нарушений информационной открытости, и пытается сформировать более детальную систему отраслевой ответственности.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей административной ответственности СРО и их членов, определении проблем правоприменения и разработке предложений по совершенствованию административно-правового регулирования. Анализируются нормы федерального законодательства, положения КоАП РФ, научная литература и судебная практика.

Федеральный закон № 315-ФЗ определяет СРО как некоммерческую организацию, основанную на членстве и объединяющую субъектов предпринимательской либо профессиональной деятельности [1]. При этом предметом саморегулирования является соответствующая деятельность членов, а СРО наделяется полномочиями по разработке стандартов и правил, контролю за их соблюдением, применению мер дисциплинарного воздействия и обеспечению доступа к информации [1].

В научной литературе саморегулирование рассматривается не как полная замена государственного регулирования, а как его особая организационно-правовая форма. С. А. Агамагомедова отмечает, что современное саморегулирование в экономике выступает составляющей административно-правового регулирования, отличаясь при этом определенной самостоятельностью субъектов [11]. Этот подход позволяет объяснить двойственную природу СРО: с одной стороны, организация формируется участниками профессионального сообщества, а с другой — реализует юридически значимые функции в сфере, имеющей публичный интерес.

Таким образом административная ответственность СРО имеет самостоятельное значение. Ее назначение состоит не только в наказании конкретного нарушителя, но и в обеспечении надлежащего функционирования механизма саморегулирования. Если СРО не осуществляет предусмотренный законом контроль, не ведет необходимые реестры, не обеспечивает информационную открытость либо неправомерно допускает к профессиональной деятельности лицо, не соответствующее установленным требованиям, нарушается сама логика делегирования контрольных функций.

Следовательно, административное правонарушение СРО целесообразно рассматривать как виновное противоправное действие или бездействие организации либо ее должностного лица, нарушающее установленную законом модель осуществления саморегулирования и посягающее на охраняемые публичные от-

ношения. При этом конкретный состав правонарушения должен устанавливаться непосредственно КоАП РФ, а обязанности СРО могут конкретизироваться бланкетными нормами отраслевого законодательства.

По состоянию на октябрь 2026 г. административная ответственность СРО распределена по нескольким специальным составам. Базовое значение имеет статья 14.52 КоАП РФ, устанавливающая ответственность за нарушение СРО обязанностей по раскрытию информации. В зависимости от характера нарушения ответственность может наступать за не размещение обязательной информации, нарушение требований к размещению сведений, а также за нарушения, связанные с информацией о компенсационном фонде и реестре членов [2].

Значение информационной открытости обусловлено тем, что сведения о составе членов СРО, ее внутренних документах, стандартах, органах управления и компенсационных фондах позволяют государству и иным заинтересованным лицам контролировать соответствие организации установленным требованиям. Как показывает исследование С. В. Фомиченко, применение статьи 14.52 КоАП РФ выявляет проблему неопределенности отдельных сроков и способов размещения информации, а также вопрос о целесообразности разграничения устранимых нарушений и нарушений, требующих применения административного наказания [13].

Специальный состав предусмотрен статьей 14.52.1 КоАП РФ для СРО арбитражных управляющих. Норма охватывает, в частности, нарушения порядка проведения общего собрания членов, требований к компенсационному фонду, проведения проверок деятельности членов, порядка приема в СРО и исключения из нее, применения дисциплинарных мер, а также порядка представления кандидатуры арбитражного управляющего [4]. Данный состав имеет принципиальное значение для обеспечения качества саморегулирования в сфере несостоятельности (банкротства), поскольку СРО участвует в формировании профессиональной среды арбитражных управляющих и в контроле за соблюдением ими установленных требований.

Для СРО в сфере финансового рынка применяется статья 14.52.2 КоАП РФ. В частности, административная ответственность предусмотрена за нарушение порядка осуществления контроля деятельности членов и применения к ним мер воздействия, а также за отдельные нарушения порядка представления информации Банку России [5].

Отдельный блок составов административных правонарушений касается строительных СРО. Статьи 14.63 и 14.64 КоАП РФ предусматривают ответственность за нарушения, связанные с предоставлением документов и сведений для ведения государственного реестра СРО и хранением документов [2]. С 1 марта 2026 г. введена статья 14.64.1 КоАП РФ, охватывающая более широкий круг на-

рушений строительных СРО, в том числе нарушения сроков проведения общего собрания, требований к компенсационным фондам, порядка проверок членов, приема в члены СРО и применения дисциплинарных мер [6]. Одновременно статья 14.64.2 закрепляет ответственность национальных объединений СРО за определенные нарушения установленных законом полномочий [6].

Также, с 1 октября 2026 г. законодатель выделил самостоятельную статью 14.71 КоАП РФ, устанавливающую ответственность СРО оценщиков и их должностных лиц. Она охватывает нарушения порядка проведения проверок, приема в члены, применения дисциплинарных мер, выдачи экспертных заключений, хранения документов и представления сведений в уполномоченный орган [7]. Таким образом, современная система составов административных правонарушений характеризуется переходом к дифференцированной отраслевой модели.

При рассмотрении административной ответственности членов СРО и ее соотношения с дисциплинарной ответственностью, можно говорить о том, что членство в СРО само по себе не создает особого универсального состава административного правонарушения. Член СРО отвечает по конкретной норме КоАП РФ в зависимости от характера совершенного деяния, а обязанность соблюдать стандарты и правила СРО может выступать элементом соответствующего правового регулирования. Неправильно отождествлять нарушение внутреннего стандарта СРО с административным правонарушением: для административной ответственности необходимо наличие всех признаков состава, предусмотренного КоАП РФ [2; 8].

Одновременно член СРО может быть привлечен к дисциплинарной ответственности внутри организации. В соответствии со статьей 10 Федерального закона № 315-ФЗ порядок применения мер дисциплинарного воздействия определяется законодательством и внутренними документами СРО [1]. В строительной сфере аналогичный механизм закреплен также в статье 55.15 Градостроительного кодекса РФ [3].

Таким образом, административная и дисциплинарная ответственность различаются по правовой природе, основаниям и субъектам применения. Дисциплинарная мера является элементом внутреннего механизма саморегулирования, тогда как административное наказание назначается уполномоченным государственным органом либо судом в установленном КоАП РФ порядке. Одно и то же фактическое обстоятельство может при наличии соответствующих оснований повлечь применение обеих форм ответственности, поскольку они защищают различные правовые интересы.

При этом недопустимо автоматически переносить вывод о дисциплинарном нарушении в сферу административной ответственности. Для последней требуется установить объективную сторону состава, субъекта, противоправность

и вину. Такой подход соответствует принципу презумпции невиновности и разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации [9].

Вместе с тем, контроль за деятельностью членов СРО относится к одной из основных функций СРО [1]. В строительной сфере содержание этой обязанности дополнительно конкретизировано статьей 55.13 Градостроительного кодекса РФ. СРО контролирует соблюдение членами требований законодательства о градостроительной деятельности и техническом регулировании, а в предусмотренных законом случаях — исполнение обязательств по договорам подряда [3].

Контрольная функция имеет не только организационное, но и превентивное значение. СРО должна выявлять нарушения до того, как они приведут к существенным негативным последствиям для заказчиков, потребителей или иных лиц. Поэтому критерий эффективности контроля не может сводиться исключительно к количеству проведенных проверок. Значение имеют своевременность проверки, полнота ее предмета, качество фиксации результатов и реальность последующих мер реагирования.

Учитывая все вышеизложенное, можно выделить основные проблемы правоприменения:

Первая проблема связана с бланкетным характером значительного числа административно-деликтных норм. Для квалификации необходимо одновременно обращаться к КоАП РФ, Федеральному закону № 315-ФЗ и специальному отраслевому законодательству. Такая конструкция неизбежна с учетом разнообразия сфер саморегулирования, однако она повышает требования к определенности правового регулирования.

Вторая проблема состоит в разграничении формального нарушения и нарушения, свидетельствующего о ненадлежащем функционировании СРО. Например, нарушение срока размещения документа на официальном сайте и систематическое сокрытие информации могут формально относиться к одному составу, но существенно различаться по характеру и степени общественной опасности. С. В. Фомиченко предлагает учитывать возможность устранения отдельных информационных нарушений без применения административного наказания, что представляет интерес с точки зрения превентивной направленности административной ответственности [13].

Третья проблема касается соотношения ответственности СРО и должностного лица. Часть 3 статьи 2.1 КоАП РФ допускает одновременное привлечение юридического лица и виновного должностного лица при наличии соответствующих оснований. Однако для каждого субъекта должна быть установлена самостоятельная вина. Верховный Суд Российской Федерации указывает на необходимость выяснения роли конкретного должностного лица и мер, которые оно предпринимало для недопущения нарушения [9].

Четвертая проблема связана с изменениями 2026 г. Расширение числа специальных составов объективно повышает определенность регулирования, однако одновременно требует согласования новых норм с уже действующими положениями отраслевых законов. Особенно актуален вопрос о том, какие нарушения должны квалифицироваться по специальной статье, а какие — по общей норме о раскрытии информации или иному составу КоАП РФ.

Пятая проблема заключается в неодинаковом уровне детализации ответственности в разных сферах. Наиболее развернутые составы сформированы для отдельных отраслей, в то время как иные виды СРО продолжают в большей степени зависеть от общих норм. В перспективе это может привести к неодинаковым подходам к оценке сходных по содержанию нарушений.

В качестве основных направлений для совершенствования законодательства в сфере саморегулирования можно выделить следующие.

Во-первых, необходимо обеспечить систематизацию специальных составов административных правонарушений СРО. Наличие нескольких отраслевых статей является оправданным, однако общие элементы составов целесообразно формулировать с использованием сопоставимых законодательных подходов.

Во-вторых, следует нормативно закрепить критерии должного контроля. Законодательство обязано позволять определить минимально необходимый набор действий СРО при получении информации о возможном нарушении членом обязательных требований. Это снизит риск субъективного толкования понятия «ненадлежащий контроль» и позволит более объективно устанавливать вину организации.

В-третьих, целесообразно развивать превентивную модель административной ответственности. В случаях, когда нарушение не повлекло существенного ущерба и может быть оперативно устранено, законодатель может предусматривать механизм предупреждения, предписания об устранении нарушения либо иные предусмотренные законом меры реагирования.

В-четвертых, обязательно нужно учитывать масштаб и организационные особенности СРО при назначении наказания в пределах санкции. При определении размера административного штрафа следует принимать во внимание характер нарушения, его продолжительность, повторность, последствия, поведение организации после выявления нарушения и наличие эффективной системы внутреннего контроля. Такой подход соответствует общим принципам назначения административного наказания, разъясненным Верховным Судом Российской Федерации [9].

В заключении следует сказать, что административная ответственность СРО представляет собой самостоятельный элемент механизма публичного обеспечения законности в сфере саморегулирования. Ее специфика определяется тем,

что СРО одновременно является юридическим лицом, участником профессионального сообщества и субъектом реализации предусмотренных законом контрольных и организационных функций. Поэтому административно-правовая оценка ее деятельности должна учитывать не только факт нарушения конкретного требования, но и способность СРО обеспечить его соблюдение.

Сегодня видно, что законодательство 2026 г. развивается в направлении дифференциации ответственности. Наряду с общей ответственностью за нарушения информационной открытости действуют специальные нормы для СРО арбитражных управляющих и финансового рынка, с 1 марта 2026 г. — для строительных СРО, а с 1 октября 2026 г. — для СРО оценщиков [2; 4–7]. Такая динамика свидетельствует о стремлении законодателя учитывать в будущем отраслевую специфику саморегулирования.

Литература:

1. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (ред. от 31.07.2025).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026).
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 04.08.2026).
4. Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».
5. Федеральный закон от 23.06.2020 № 187-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации».
6. Федеральный закон от 20.02.2026 № 24-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».
7. Федеральный закон от 04.08.2026 № 295-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации».
8. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2026).
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2, 3 (2024): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2024.
11. Агамагомедова С. А. Саморегулирование в экономике: административно-правовое обоснование // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 3. С. 140–146. DOI: 10.17308/law/1995–5502/2023/3/140–146.
12. Глазунова И. В. Некоторые проблемы административной ответственности в сфере саморегулирования в Российской Федерации // Пролог: журнал о праве. 2016. № 3. DOI: 10.21639/2313–6715.2016.3.8.
13. Фомиченко С. В. Административная ответственность за неразмещение саморегулируемой организацией документов и информации о своей деятельности на официальном сайте в сети Интернет // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1. С. 143–149. DOI: 10.24412/2227–7315–2023–1–143–149.
14. Волкова М. И., Ильин А. Н. Основные направления в совершенствовании административной ответственности в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций // Вестник науки. 2024.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Субъекты реализации национального проекта «Экологическое благополучие»: анализ роли главных фигурантов экологической политики России

Курилов Максим Николаевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Решетников Владимир Яковлевич, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье проводится общий анализ круга субъектов реализации национального проекта «Экологическое благополучие» и их роли, дается оценка полноты государственных должностей и органов исполнительной власти, включенных паспортом национального проекта в круг его непосредственных участников.

Ключевые слова: *экология, национальный проект «Экологическое благополучие», субъект реализации национального проекта, паспорт национального проекта, куратор национального проекта, руководитель национального проекта, администратор национального проекта.*

В современный век информатизации и цифровизации, когда кажется возможным решить все вопросы с помощью искусственного интеллекта, насущной для населения всей нашей планеты остается вопрос негативного влияния человека на окружающую среду и, соответственно, его минимализация. Как отметила Семенова Г. Н.: «Сложные современные условия ввиду непрекращающегося экономического кризиса и ухудшения международной политической обстановки не снимают с общества ответственности за защиту природы и требуют согласовывать насущные человеческие потребности с уважением к будущим поколениям» [6, с. 229].

Учитывая то, что качественное состояние компонентов природы возведено к числу глобальных проблем, политика большинства государств нацелена на рациональное природопользование и сохранение биологического разнообразия Земли.

В рамках российской политики механизмом восстановления баланса между потребительской деятельностью населения и благоприятным состоянием окружающей среды является институт национальных проектов.

В настоящее время на территории нашего государства осуществляется реализация 21 национального проекта. При этом, как отметил Ковалев Л. В., «…перспективы формирования интегрированной модели экологического управления, включающей унификацию правоприменения, развитие единой цифровой инфраструктуры, расширение общественного участия, внедрение экономических стимулов и усиление межведомственной координации…» [4, с. 763] находят свое отражение в национальном проекте «Экологическое благополучие», необходимость реализации которого на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года определена Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1].

Эффективность реализации любого национального проекта ставится в зависимость от лиц, ответственных за достижение поставленных перед ним задач — субъектов реализации национального проекта, которые в свою очередь делятся на следующие категории: руководитель, куратор, администратор.

Обобщенный функционал каждого субъекта реализации национального проекта подробно раскрывается в положениях Постановления Правительства Российской Федерации от 31.10.2018 № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» (далее — Постановление № 1288) [3].

Так, «на куратора национального проекта возлагается обязанность по общему руководству национальным проектом и достижению показателей национального проекта» [3]; на руководителя возлагается персональная ответственность за достижение показателей и выполнение (достижение) мероприятий (результатов), выполнение задач, указанных в паспорте ведомственного проекта»; на администратора — организационно-техническая функция: подготовка паспорта проекта и рабочих документов, проведение совещаний, ведение мониторинга хода реализации проектов, формирование отчётности.

Анализом положений Постановления № 1288 установлено, что формирование структуры субъектов реализации национальных проектов, в том числе национального проекта «Экологическое благополучие», изначально подстроено под уже имеющиеся государственные должности, таким образом не просто оптимизирую деятельность органов государственной власти, а создавая условия для возможности своевременной координации путем достижения поставленных перед национальными проектами задач. Марчук К. А. и Калёнов С. Е. в своей научной работе отметили, что «…современное усиление и централизация власти

повышают статус и эффективность доктринальных (концептуальных) документов, их воздействие на национальную правовую систему и на систему управления в данной сфере правоотношений в целом» [5, с. 327].

Так, в соответствии с паспортом национального проекта «Экологическое благополучие» ранее обозначенным категориям субъектов реализации национального проекта соответствуют следующие государственные должности:

куратор национального проекта — заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Патрушев Д. Н.;

руководитель национального проекта — Министр природных ресурсов и экологии Российской Федерации Козлов А. А.;

администратор национального проекта — первый заместитель Министра природных ресурсов и экологии Российской Федерации.

По нашему мнению, данный состав является весьма усеченным и требует внесения соответствующих изменений, например, в части расширения перечня государственный должностей, на которых возлагается роль руководителя национального проекта.

Так, как федеральное законодательство, так и научная доктрина, в систему «природоохранный органов» включают, в том числе, Министерство сельского хозяйства Российской Федерации и находящиеся в его ведении Федеральную службу по ветеринарному и фитосанитарному надзору и Федеральное агентство по рыболовству, что обусловлено возложенными на указанный орган исполнительной власти Российской Федерации функциями.

В частности, согласно Положению о Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации, утвержденному Постановлением Правительства Российской Федерации от 12.06.2008 № 450, министерство является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере сохранения водных биологических ресурсов, рационального использования, изучения и воспроизводства водных биологических ресурсов и среды их обитания, а также контроля и надзора за водными биологическими ресурсами и средой их обитания во внутренних водах Российской Федерации [2].

Таким образом, наличие законодательно разделенных специальных функций в сфере окружающей среды и природопользования между двумя министерствами, на взгляд автора научного исследования должно исключать сосредоточение полномочий руководителя национального проекта «в руках» лишь одного из министров.

Кроме этого, в числе субъектов реализации национального проекта «Экологическое благополучие» не конкретизируются «профильные» контрольно-надзорные органы исполнительной власти, такие как Федеральная служба

по надзору в сфере природопользования, Федеральное агентство по рыболовству, Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды и др., а также органы местного самоуправления, которые принимают непосредственное участие в его реализации.

При этом, следует отметить, что в соответствии с Постановлением № 1288, ответственные работники федеральных органов исполнительной власти, исполнительных органов субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных государственных органов и организаций, деятельность которых направлена на достижение общественно значимых результатов, показателей, мероприятий (результатов) и контрольных точек, выполнение задач соответствующего национального проекта обобщены в группу участников национального проекта.

Вместе с тем указанная категория не нашла своего отражения в паспорте субъекта анализируемого национального проекта. Как-будто из двигательной функции верхних конечностей исключили пальцы рук, на которых ложиться их основной функционал. В действительности неуказание в паспорте национального проекта вышеуказанных органов исполнительной власти не исключает их реального участия в нем, но вместе с тем, на наш взгляд, требует законодательной регламентации посредством внесения соответствующих изменений в основной документ национального проекта.

Таким образом, непосредственными субъектами реализации национального проекта являются должностные лица органов государственной власти, на которых федеральном законодательством возложено непосредственное руководство и контроль за охраной окружающей среды и природопользованием, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Вместе с тем закрепленный в паспорте национального проекта «Экологическое благополучие» — основном документе национального проекта, официально утверждаемом уполномоченный Правительством Российской Федерации координационный орган, перечень субъектов его реализации фактически не охватывает всех действующих в нем лиц, делая «общий организм» национального проекта визуально нежизненно способным.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 20. — Ст. 2584.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 12.06.2008 № 450 (ред. от 19.03.2026) «О Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 25. — Ст. 2983; 2025. — № 42. — Ст. 6189
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2018 № 1288 (ред. от 07.07.2026) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2018. — № 45. Ст. 6947; 2026. — № 28. — Ст. 3898.
4. Ковалев Л. В. Национальная цель «Экологическое благополучие» как инструмент модернизации государственного управления в российской федерации // Вестник науки. 2025. № 11 (92). С. 763–781.
5. Марчук К. А. Государственное управление в области природопользования и охраны окружающей природной среды // Молодой ученый. 2019. № 22 (260). С. 326–328.
6. Семенова Г. Н. Глобальные экологические проблемы и способы их решения // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. № 6. С. 227–249.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Противоправные действия сексуального характера и шантаж с использованием информационно-коммуникационных технологий

Баранчук Влада Анатольевна, студент
Научный руководитель: Моисеева Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)

Статья посвящена криминологическому и уголовно-правовому анализу противоправных действий сексуального характера, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Рассматриваются формы противоправных действий сексуального характера и иных посягательств на половую неприкосновенность и половую свободу личности. Особое внимание уделяется проблемам квалификации деяний, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, а также вопросам виктимизации как несовершеннолетних, так и совершеннолетних.

Ключевые слова: *противоправные действия сексуального характера, шантаж, сексторция, онлайн-груминг, кибернасилие, информационно-коммуникационные технологии.*

Глобализация информационного пространства и стремительное развитие интернет-технологий кардинально изменили характер современной преступности. Помимо рисков безопасности, связанных с конфиденциальностью, защитой персональных данных цифровое пространство содержит в себе острую угрозу совершением действий сексуального характера. Насильственная преступность выходит на качественно другой уровень, становится более интеллектуальной, эффективной, доступной в исполнении, безопасной и, как следствие, все более латентной [1, с. 334]. Анонимность, трансграничный характер глобальной компьютерной сети Интернет и виртуальной среды в целом, воз-

можность мгновенного распространения контента создали благоприятные условия для преступной деятельности как отдельных лиц, так и группы лиц или сообщества, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность граждан.

Особую социальную опасность представляют киберпреступления против несовершеннолетних. Как отмечает А. Е. Епифанов, сексуальное насилие над детьми В цифровой среде «представляет собой транснациональную проблему, затрагивающую практически все государства», а несовершеннолетние, «будучи наиболее активными пользователями цифровых технологий, становятся приоритетной целью для преступников сексуальной направленности» [2, с. 52].

Глава 20 Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее УК) «Преступления против половой неприкосновенности или половой свободы личности» включает составы: изнасилования (ст. 166), насильственных действий сексуального характера (ст. 167), половых сношений с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 168), развратных действий (ст. 169), а также понуждения к действиям сексуального характера (ст. 170). Однако при переносе этих норм в контекст интернет-коммуникации возникают проблемы, т. к. виртуальная среда позволяет совершать акты сексуальной агрессии без физического контакта, без присутствия и зачастую однозначно квалифицировать подобные деяния в рамках существующих составов довольно сложно.

Сексуальные домогательства, в свою очередь, представляют собой нежелательное поведение сексуального характера, которое нарушает личные границы человека, унижает его достоинство и создает враждебную или оскорбительную среду. В свою очередь, сексуальные домогательства в Интернете могут принимать различные формы, от отправки непристойных сообщений и фотографий до более сложных преступлений, таких как создание фальшивых аккаунтов с целью установления контакта с несовершеннолетними для дальнейших действий, направленных на сексуальное насилие [3, с. 143].

Можно выделить следующие виды сексуализированного насилия, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных сетей:

1. Кибердомогательство — систематическое направление сообщений, изображений либо намеков сексуального характера. В отдельных случаях указанное поведение приобретает форму навязчивого преследования, при котором виновный использует множественные учетные записи, требует внимания, проявляет агрессию либо унижает потерпевшего.

2. Сексуальный шантаж (сексторция) — форма психического принуждения, которая состоит в угрозе распространением интимных фото- или видеоматериалов (в том числе полученных в ходе видеозвонка) с целью понуждения потерпевшего к выполнению требований, в том числе сексуального характера.

3. Ревендж-порн — распространение интимных изображений бывшего партнера в качестве акта мести. Независимо от того, что материалы могли быть созданы по обоюдному согласно, их публикация без согласия лица представляет собой насилие, посягающее на неприкосновенность частной жизни и достоинство личности.

4. Кибергруминг — установление доверительных отношений несовершеннолетним в целях последующей сексуальной эксплуатации.

5. Доксинг с сексуальным контекстом — публикация персональных данных (фотографий, сведений, контактной информации) на форумах, сайтах знакомств или порноресурсах, нередко в сопровождении сфабрикованных сведений.

6. Дипфейки — создание посредством использования искусственного интеллекта ложных фото-, видео- или аудиоматериалов, воспроизводящих изображение или звучание потерпевшего в сексуализированных сценах.

Отдельные эпизоды могут быть квалифицированы как клевета, хулиганство или в качестве административного правонарушения как оскорбление. Однако указанные составы не охватывают специфику именно перечисленных видов сексуального насилии как феномена, обладающего собственной сущностной характеристикой — использованием сексуального подтекста для установления контроля, запугивания или причинения моральных страданий.

Наиболее сложным и дискуссионным остается вопрос о правовой квалификации сексуальных домогательств, совершаемых в интернет-пространстве. Действующим уголовным законодательство категория «сексуальное домогательство» не регламентировано. В УК Республики Беларусь отсутствует самостоятельный состав преступления, который бы прямо и непосредственно охватывал деяния, выражающиеся в нежелательных предложениях сексуального характера, принуждении к получению контента, систематических действиях, унижающих честь и достоинство лица в контексте сексуальных отношений.

В отличие от понуждения (ст. 170 УК Республики Беларусь), где виновный добивается совершения конкретных действий сексуального характера, домогательство может и не преследовать цели совершения полового акта — достаточно создания угрожающей, враждебной или унижающей обстановки. Как отмечает Д. Ю. Зубель, «для наступления уголовной ответственности за насильственные действия сексуального характера (ст. 167 УК) обязательным признаком объективной стороны будет насильственный способ совершения преступления, тогда как сексуальное домогательство не всегда включает насилие». Далее исследователь указывает, что «для привлечения к уголовной ответственности по ст. 168, 169 УК потерпевшим должно быть лицо, заведомо для виновного не достигшее возраста 16 лет, и сексуальные домогательства могут быть направлены на лиц любого возраста» [4, с. 478–479].

Практика применения статьи 169 УК (развратные действия в отношении заведомо несовершеннолетнего) и статьи 172 УК (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления) возможна лишь при наличии потерпевшего, не достигшего восемнадцатилетнего возраста. Для совершеннолетних жертв эффективные механизмы правовой защиты отсутствуют. Ситуация усугубляется анонимностью, которую предоставляют современные коммуникационные платформы, а также возможностью быстрой смены аккаунта.

Статья 170 УК (понуждение к действиям сексуального характера) предусматривает следующие особенности: способ (шантаж, угрозы и т.д.) либо зависимость (служебная, материальная и иная), в то время как сексуальное домогательство может осуществляться иным способом и лицом, никак не связанным с потерпевшим. Учитывая указанные особенности, практика идет по пути привлечения лиц, совершивших сексуальное домогательство, к уголовной или административной ответственности за хулиганство. Однако данная квалификация, по справедливому мнению Д. Ю. Зубель, «не отражает в полной мере общественную опасность таких деяний. Все же сексуальное домогательство — это намеренное посягательство на половую свободу половую неприкосновенность, включающее психологическое насилие, которое травмирует жертву» [4, с. 479].

Особую опасность в цифровой среде приобретает сексуальный шантаж (сексторция), который П. М. Клейменов характеризует как деяние, обладающее «повышенной общественной опасностью», поскольку оно «оказывает длительное психотравмирующее воздействие на жертву, зачастую ставит ее в безвыходное положение» [5, с. 42]. Типичный сценарий сексторции в сети Интернет включает получение интимных изображений жертвы (часто посредством обмана или принуждения) с последующим требованием денег или совершения действий сексуального характера под угрозой распространения компрометирующих материалов.

В контексте уголовно-правовой оценки подобных деяний в Республике Беларусь возникает проблема квалификации, поскольку действующий Уголовный кодекс не содержит специальной нормы о сексуальном домогательстве.

В белорусском уголовном законе понуждение к действиям сексуального характера (ст. 170 УК) предполагает использование материальной или иной зависимости потерпевшего. Однако интернет-пространство создает новые формы зависимости — информационную, основанную на обладании компрометирующими сведениями. Представляется, что судебная практика должна расширительно толковать понятие «иная зависимость», включая в него зависимость, возникающую из обладания виновным интимными материалами потерпевшего.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27.09.2012 № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против по-

ловой неприкосновенности или половой свободы (статьи 166–170 Уголовного кодекса Республики Беларусь)», изнасилование и насильственные действия сексуального характера предполагают совершение полового акта или иных действий сексуального характера «с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей» [6]. При дистанционном воздействии физическое насилие отсутствует, однако психическое насилие (угрозы) может быть не менее эффективным средством подавления воли потерпевшего.

Криминологические исследования указывают на гендерную специфику кибернасилия сексуальной направленности. Жертвой кибернасилия может стать каждый, независимо от половой принадлежности и возраста, однако статистические исследования показывают, что данные преступления чаще всего направлены против лиц женского пола.

Женщины, как жертвы кибернасильственных преступлений, обладают сложной системой свойств (физиологических, психологических, социальных), и именно этот набор личностных характеристик делает женщину более легкой и удобной мишенью для психологических манипуляций (угроз, унижений, оскорблений).

Особую уязвимость демонстрируют несовершеннолетние, что связано с их психологическими особенностями: несформированностью критического мышления, повышенной внушаемостью, потребностью в социальном одобрении. В силу возрастных особенностей несовершеннолетние легко вступают в сетевой контакт с незнакомцами, бездумно раскрывая персональные данные и передавая собственные фотографии, в том числе приватного (интимного) характера. К числу факторов виктимизации относится специфика процесса цифровой социализации современных подростков и детей. Отсутствие у них психологического разделения пространства на реальное и виртуальное, а также восприятие Интернета как среды социализации порождают иллюзию безопасности при коммуникации с виртуальными незнакомцами, что создает благоприятные условия для совершения преступлений.

Сексуальные посягательства, совершаемые с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, представляют собой качественно новое явление, требующее уголовно-правового реагирования. Действующее законодательство Республики Беларусь в целом обеспечивает охрану половой неприкосновенности и половой свободы личности, однако ряд форм кибернасилия сексуальной направленности остается за пределами уголовно-правового регулирования.

Помимо, профилактических мер работы с гражданами, наиболее актуальными направлениями совершенствования уголовного закона являются: уточнение признаков насильственных сексуальных посягательств, совершаемых

дистанционно, а в рамках изменений уголовного законодательства усилить ответственность за деяния против половой свободы и половой неприкосновенности.

Хочется также отметить, что законодательство Республики Беларусь уже предусматривает механизмы ограничения доступа к интернет-ресурсам, используемым в преступных схемах. В частности, закрепляется возможность блокирования фишинговых сайтов, номеров мобильных телефонов и иных интернет-ресурсов, задействованных злоумышленниками. Представляется целесообразным распространить данный механизм на ресурсы, используемые для распространения сексуализированного контента без согласия лица (ревендж-порн), а также на платформы, применяемые для кибергруминга.

Создание специализированных подразделений, уполномоченных на мониторинг интернет-пространства и расследование киберпреступлений сексуальной направленности, позволит повысить эффективность выявления и раскрытия таких деяний. Целесообразно также рассмотреть вопрос о подготовке специалистов в области цифровой криминалистики для работы с доказательствами, полученными из онлайн-среды.

Учитывая масштабы распространения противоправного контента в сети, ручной мониторинг становится неэффективным. Перспективным направлением является разработка и внедрение алгоритмов, позволяющих выявлять признаки сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (в том числе с использованием технологий распознавания изображений и анализа поведения аккаунтов). Аналогичные инструменты могут применяться для выявления случаев сексуального шантажа (сексторции) на основе анализа текстовых сообщений.

Национальный центр защиты персональных данных наделен полномочиями по вынесению требований операторам об удалении незаконно обрабатываемых персональных данных. Данный механизм может быть использован для оперативного удаления интимных изображений, распространяемых без согласия лица, а также персональных данных, опубликованных в рамках доксинга с сексуальным контекстом.

Литература:

1. Вишневецкая, И. Н. Кибернасильственная преступность в отношении женщин / И. Н. Вишневецкая // Правовая политика и правовая жизнь. — 2023. — № 4. — С. 331–337.
2. Епифанов, А. Е. Половые преступления против несовершеннолетних в информационной среде /А. Е. Епифанов // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. — 2025. № 3 (23). — С. 52–59.

3. Булахова, В.Д. Некоторые уголовно-правовые особенности отдельных видов преступлений против несовершеннолетних в сети «Интернет» / В.Д. Булахова, И.В. Римар // Евразийская адвокатура. — 2025. — №1 (72). — С. 133–135.
4. Молодежная юридическая наука Alma Mater — 2023: материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 16 ноября 2023 г. / БГУ, Юридический фак.; [редкол.: А.В. Шидловский (отв. ред.) и др.]. — Минск: БГУ, 2024. — С. 478–479.
5. Клейменов, И.М. Сексуальное домогательство: криминологический и уголовно-правовой аспекты / И.М. Клейменов // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2018. — NN№ 32. — С. 42–54.
6. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–170 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 27 сент. 2012 г., №7: в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 30 окт. 2025 г. №9 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2025.

Социальная природа уголовной ответственности за похищение человека: ретроспективно-правовой анализ

Бонько Константин Сергеевич, студент магистратуры
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Исследование социальной природы уголовной ответственности за похищение человека в рамках ретроспективно-правового анализа позволяет автору проследить эволюцию социальных предпосылок криминализации данного деяния. В статье показывается трансформация социальной обусловленности уголовно-правового запрета похищения человека. Кроме того, автором обоснованно делается вывод о влиянии смены общественно-экономических формаций и системы социальных ценностей на изменение социальной природы уголовной ответственности за похищение человека.

Ключевые слова: *похищение человека, социальная обусловленность, уголовная ответственность, криминализация, ретроспективно-правовой анализ.*

Социальная обусловленность уголовно-правового запрета — это фундаментальная категория уголовного права, выражающая соответствие кримина-

лизации деяния потребностям общества на определенном историческом этапе развития. Социальная природа определенного деяния выражает значимость тех общественных отношений, которые защищаются уголовным законом на данном этапе исторического развития. Несмотря на то, что похищение человека входит в разряд древнейших преступных деяний, которые были известны человечеству издревле, его социальная природа претерпела глубокую эволюцию.

Проблема социальной природы уголовной ответственности за похищение человека имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, поскольку именно социальная структура и традиционная составляющая общественного строя определяют правовую регламентацию преступлений против личности. А похищение человека — это, безусловно, преступление против личности.

Понимание исторических закономерностей развития института социализации уголовной ответственности за похищение человека позволяет принимать решения о совершенствовании действующего законодательства.

Цель статьи — раскрыть социальную природу уголовной ответственности за похищение человека на основе исследования трансформации социальных предпосылок криминализации данного деяния на различных этапах развития общества.

Социальная обусловленность уголовно-правовой нормы –это объективная необходимость ее существования в соответствии с потребностями общества. Обобщив теоретические источники, можно сделать вывод, что социальная обусловленность уголовно-правовой охраны общественных отношений, интересов и благ — это совокупность социальных, криминологически значимых факторов, которые и делают необходимым установление уголовной ответственности за определенные деяния. По мнению ряда авторов, социальная обусловленность в уголовном праве — это категория, выражающая совокупность уголовно-правового запрета, уголовно-правового положения и уголовной ответственности [6, с. 278].

Можно выделить несколько аспектов социальной обусловленности уголовного наказания применительно к похищению человека, а именно: общественную опасность деяния, распространенность деяния, социальные ожидания и соответствие системы социальных ценностей [3, с. 16]. Так, общественная опасность деяния –похищение человека выражается в нанесении существенного вреда охраняемым общественным отношениям, а потребность общества в защите его ценностей выражена в общественном правосознании.

Похищение человека, безусловно, относится к опасным деяниям, и квалифицируется уголовным законодательством Российской Федерации, как преступление против свободы. Однако социальная природа данного деяния не одинакова на разных этапах исторического развития общества.

В период Древней Руси похищение человека упоминалось в контексте защиты имущественных интересов, при этом наказание за похищение холопа было выше, чем за его убийство [1, с. 104]. Такое соотношение санкций выражает социальную природу ответственности на данном историческом этапе, когда свободы личности как самостоятельной социальной ценности еще не сформировалось, а именно: холоп –это объект собственности, а его похищение наносит ущерб прежде всего владельцу, а не ему самому.

На историческом этапе существования Московского государства произошло усиление ответственности и постепенная персонализация защиты. Так, судебник Ивана III 1497 года устанавливал в качестве ответственности за похищение человека с целью его последующей продажи в холопы, а Судебник Ивана IV 1550 года уже вводил смертную казнь за то же деяние [1, с. 105]. Основной причиной усиления наказания было предотвращение роста таких деяний, так как предыдущие меры не достигали требуемого эффекта.

Соборное уложение Алексея Михайловича 1649 года впервые устанавливало ответственность за похищение человека, выражая именно защиту его физической свободы и свободы передвижения [1, с. 105]. Но норма распространялась не на все население, а только на свободных женщин, поэтому можно сделать вывод, что социальная защита оставалась ограниченной сословным делением общества.

В эпоху правления Петра I был издан Артикул Воинский (1715 год), который впервые устанавливал ответственность за похищение человека с целью его продажи, независимо от пола [5, с. 15]. С точки зрения трансформации социальной обусловленности уголовного наказания за похищение человека это означает универсализацию защиты физической свободы человека в независимости его пола и сословной принадлежности.

Изменение уголовного законодательства после 1861 года, в связи с отменой крепостного права привело к существенным сдвигам в социальной обусловленности уголовно-правовой охраны общественных интересов. Так, любое похищение человека перестало рассматриваться как преступление против собственности. Одной из основных причин столь масштабных изменений в уголовном праве стала не менее масштабная социальная трансформация. В составе преступлений значительно выросло число похищений, особенно детей с корыстной целью. И уже в Уложении о наказаниях 1866 года, а затем и 1885 года похищение свободного человека и его продажа трактовались как нарушение личных и семейных прав [1, с. 106]. Ключевым событием этой трансформации стало принятие Уголовного уложения 1903 года, в котором была самостоятельная глава о преступных деяниях против личной свободы. Тем самым, к концу XIX столетия социальная природа ответственности за похищение человека оконча-

тельно трансформировалась в направлении охраны личной свободы человека как самостоятельной общественной ценности.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года, как первый кодифицированный уголовно-правовой акт, закрепил ответственность только за похищение детей. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года предусматривал уже состав похищения ребенка и женщин, что было связано прежде всего, с искоренением национально-религиозных обычаев.

Даже в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года нормы о похищении человека не было, но была ответственность за незаконное лишение свободы. Как самостоятельное преступление данный кодекс предусматривал только похищение женщины с целью вступления с нею в брак [4, с. 376]. Необходимо отметить, что причиной отсутствия нормы о похищении человека в уголовном праве в советский период было вызвано скорее идеологическими факторами.

Распад СССР сопровождался ростом криминализации, в том числе и количества похищений человека с корыстной целью, что потребовало принятия незамедлительных мер. В этой связи в 1993 году в Уголовный кодекс РСФСР 1960 года были внесены изменения, а именно: статья 125.1, предусматривающая уголовную ответственность за похищение человека [6, с. 279].

Впоследствии в 1996 году уголовная ответственность за похищение человека получила развитие в новом Уголовном кодексе РФ. Статья 126 Уголовного кодекса 1996 года установила, что непосредственным объектом похищения человека выступает личная свобода похищенного лица. При этом возраст, социальный статус, пол, дееспособность похищаемого лица правового значения для квалификации деяния не имеют [2, с. 115].

Таким образом, проведенный ретроспективно-правовой анализ позволяет выделить ряд ключевых тенденций эволюции социальной природы уголовной ответственности за похищение человека:

— переход от охраны имущественных интересов к защите личной свободы;
— универсализация защиты, то есть независимость защиты от социального статуса;
— социальная обусловленность криминализации похищения человека определяется конкретными историческими условиями;
— социальная природа является выразителем системы ценностей общества на каждом историческом этапе.

Современная социальная обусловленность уголовной ответственности за похищение человека основана на признании Конституцией РФ наивысшей ценностью человека и его жизнь. В этой связи уголовно-правовая охрана личной свободы является механизмом реализации конституционных гарантий прав и свобод человека.

Литература:

1. Алексеева, Е. П. История развития отечественного законодательства об ответственности за похищение человека / Е. П. Алексеева. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы современной науки: Сборник статей. — Хабаровск: Хабаровский гос. ун-т экономики и права, 2021. — С. 103–107.
2. Крюков, А. В. К вопросу об обоснованности квалификации преступлений по ст. 126 УК РФ / А. В. Крюков. — Текст: непосредственный // Юридическая наука. — 2022. — № 11. — С. 113–116.
3. Павлик, М. Ю. Уголовная ответственность за похищение человека и захват заложника: монография / М. Ю. Павлик. — СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. — 167 с. — Текст: непосредственный.
4. Симоненко, С. С. Уголовная ответственность за похищение человека по действующему российскому законодательству / С. С. Симоненко. — Текст: непосредственный // Вестник науки. — 2023. — № 10 (67). — С. 376–380.
5. Шумляев, Д. В. История развития законодательства об уголовной ответственности за похищение человека / Д. В. Шумляев. — Текст: непосредственный // Научный лидер. — 2024. — № 28 (178).
6. Шутова, А. А. Социальная обусловленность в уголовном праве: теоретические основы / А. А. Шутова. — Текст: непосредственный // Виктимология. — 2025. — Т. 12. — № 2. — С. 274–284.

Уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусматривающего ответственность за диверсию, в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан: сравнительно-правовой анализ

Каржауов Нурбол Нурланович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье на основе сравнительно-правового метода анализируются нормы об уголовной ответственности за диверсию, закреплённые в Уголовном кодексе Российской Федерации (ст. 281) и Уголовном кодексе Республики Казахстан (ст. 184). Исследуются объективные и субъективные признаки составов, особое внимание уделяется целям диверсии как системообразующему элементу субъективной стороны. Рассматриваются квалифицированные виды диверсии

и смежные составы преступлений, в том числе нормы о содействии диверсионной деятельности и создании диверсионного сообщества, введённые в российское законодательство Федеральным законом от 29.12.2022 № 586-ФЗ. Выявлены общие черты (формальный состав, цель подрыва обороноспособности, особо тяжкий характер деяния) и ключевые различия (конструкция предмета преступления, акцент на массовое уничтожение людей в УК РК, дифференциация ответственности за подготовительные действия в РФ). Сделаны выводы о целесообразности дальнейшего сближения законодательных подходов с учётом международных стандартов противодействия диверсионной деятельности.

Ключевые слова: *диверсия, состав преступления, уголовная ответственность, обороноспособность, Уголовный кодекс РФ, Уголовный кодекс РК, сравнительное правоведение, диверсионное сообщество.*

Criminal law characteristics of the corpus delicti providing responsibility for sabotage in the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan (comparative legal analysis)

Based on the comparative legal method, the article analyzes the norms on criminal liability for sabotage enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation (Article 281) and the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan (Article 184). The objective and subjective elements of the corpus delicti are examined, with special attention paid to the purposes of sabotage as a system-forming element of the subjective side. Qualified types of sabotage and related offenses, including the rules on aiding sabotage activities and creating a sabotage community introduced into Russian legislation by Federal Law No. 586-FZ of December 29, 2022, are considered. Common features (formal corpus delicti, the purpose of undermining defense capability, the particularly serious nature of the act) and key differences (the construction of the subject of the crime, the emphasis on mass destruction of people in the Criminal Code of Kazakhstan, the differentiation of liability for preparatory actions in the Russian Federation) are identified. Conclusions are drawn about the expediency of further convergence of legislative approaches taking into account international standards for countering sabotage activities.

Keywords: *sabotage, corpus delicti, criminal liability, defense capability, Criminal Code of the Russian Federation, Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, comparative law, sabotage community.*

Диверсия как уголовно-правовое явление занимает одно из центральных мест в системе преступлений против государственной безопасности. В условиях современных геополитических вызовов, роста гибридных угроз и участившихся случаев повреждения критически важных объектов инфраструктуры законодательство Российской Федерации и Республики Казахстан подвергается активному реформированию. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента от 02.07.2021 № 400) подчёркивается, что дестабилизирующее влияние на общественно-политическую обстановку оказывают экстремистские проявления, а международные организации стремятся усилить пропагандистскую работу и вербовку российских граждан для диверсионной деятельности [1, с. 13–14]. Настоящая статья посвящена сравнительному анализу составов преступлений, предусматривающих ответственность за диверсию в УК РФ (ст. 281) и УК РК (ст. 184), с целью выявления общих черт и ключевых различий.

Прежде всего следует обратиться к объективным признакам состава преступления. Непосредственным объектом диверсии в обоих государствах являются общественные отношения, обеспечивающие экономическую безопасность и обороноспособность страны. Как справедливо отмечает казахстанский исследователь, основным непосредственным объектом диверсии по ст. 184 УК РК является общественная безопасность, экономическая безопасность и обороноспособность Республики Казахстан, а дополнительным объектом признаются жизнь и здоровье людей [2, с. 24–27]. В Российской Федерации с 2023 года диспозиция ст. 281 УК РФ также была реформирована, и «нанесение вреда здоровью людей» отныне расценивается в рамках диверсии, что сближает российский подход с позицией большинства стран СНГ [3, с. 37–38]. При этом российский законодатель дополнительно включил в предмет преступления компоненты природной среды. Что понимать под «компонентами природной среды» — вопрос открытый. Природные объекты (леса, водоёмы) и так охраняются другими статьями (например, 261 УК РФ — уничтожение лесных насаждений). Когда взрыв на нефтепроводе разрушает природную среду — это логично, но когда поджог травы пытаются квалифицировать как диверсию, возникает подмена понятий.

Объективная сторона диверсии по обоим кодексам выражена в форме активных действий: совершение взрыва, поджога либо иных действий, направленных на разрушение или повреждение перечисленных объектов. Как разъясняет Генеральная прокуратура РФ, под иными действиями понимается устройство обвалов, затоплений, создание аварий, крушений, загрязнение радиоактивными или химическими веществами [1, с. 23–24]. Состав преступления является формальным: диверсия признаётся оконченной с момента совершения указанных действий. Формализм приводит к парадоксальным

ситуациям: лицо, бросившее «коктейль Молотова» в пустой склад на территории завода в нерабочее время, когда никакого ущерба обороноспособности фактически не причинено, тем не менее отвечает за оконченную диверсию с санкцией до 20 лет лишения свободы. В этом — суть формального состава, создающая стимул для следствия «натягивать» цель подрыва обороноспособности, чтобы применить более суровую статью. Такая ситуация создаёт почву для злоупотреблений.

Субъективная сторона диверсии — один из наиболее сложных элементов состава. Законодательство обеих стран требует установления прямого умысла и обязательной специальной цели. По ст. 281 УК РФ — это цель — подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации [4, с. 16–17]. По ст. 184 УК РК — цель подрыва безопасности и обороноспособности Республики Казахстан, причём в диспозиции отдельно указано «массовое уничтожение людей, причинение вреда их здоровью» также в качестве цели. Таким образом, казахстанский законодатель закрепляет две альтернативные цели, что расширяет сферу применения нормы, но порождает риск конкуренции со статьёй о террористическом акте. На практике эта цель — прокрустово ложе для следствия. Как доказывать, что взорванный мост был направлен именно на подрыв обороноспособности, а не, скажем, на сокрытие хищения оборудования? Пленум Верховного Суда РФ (постановление № 1 от 9 февраля 2012 г.) разъясняет вопросы квалификации террористических преступлений, но не даёт аналогичных разъяснений по ст. 281 УК РФ [5]. Судам приходится полагаться на косвенные доказательства, что порождает неравенство перед законом.

Показательным примером сложности доказывания специальной цели является дело граждан Беларуси Бресского и Басько, приговорённых Московским областным судом к 12 годам колонии по п. «б» ч. 2 ст. 281 УК РФ за поджог электровоза в локомотивном депо «Орехово-Зуево» [6, с. 4–5]. Как сообщается, подсудимые заявили, что подожжённый локомотив был нерабочим и они не знали о связи заказчика с украинской разведкой, и просили переквалифицировать дело на статью о повреждении имущества [6, с. 21]. Суд, однако, принял позицию обвинения о наличии цели подрыва транспортной инфраструктуры. Другой резонансный пример — приговор 2-го Восточного окружного военного суда в Чите, которым 13 человек осуждены на сроки до 23 лет за диверсии на железной дороге и объектах жизнеобеспечения [7, с. 10–13]. Суд посчитал, что фигуранты действовали «из корыстных мотивов», намереваясь подорвать экономическую безопасность и обороноспособность России [7, с. 16–18]. Интересно, что одному из фигурантов, Алексею Нифонтову, назначено 4 года как «пособнику» по ч. 3 ст. 281.1 УК РФ, что демонстрирует применение новых норм о содействии диверсионной деятельности [7, с. 28–29].

Особого внимания заслуживают новеллы российского законодательства. Федеральным законом от 29.12.2022 № 586-ФЗ УК РФ дополнен статьями 281.1 (содействие диверсионной деятельности), 281.2 (прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности) и 281.3 (организация диверсионного сообщества и участие в нем) [8, с. 14–16]. Как разъясняет прокуратура, под финансированием диверсии понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ [8, с. 33–36]. Максимальное наказание по ч. 4 ст. 281.1 УК РФ (организация совершения диверсии или руководство, а равно организация финансирования) — лишение свободы на срок от 15 до 20 лет или пожизненное лишение свободы [8, с. 28–32]. Статья 281.3 определяет диверсионное сообщество как устойчивую группу людей, объединившихся для осуществления диверсионной деятельности, и предусматривает за участие в нём наказание от 5 до 10 лет лишения свободы [9, с. 16–20].

Однако эти нормы во многом дублируют общие положения УК РФ. Содействие — это, по сути, пособничество (ч. 5 ст. 33 УК РФ), вербовка и финансирование и без того охватывались ст. 33 и 34 УК РФ. Зачем понадобилась отдельная норма? Скорее всего, для процессуального удобства: чтобы не доказывать факт приготовления к конкретному диверсионному акту, достаточно доказать сам факт вербовки или финансирования. Но это — классический пример смещения бремени доказывания в пользу обвинения. К тому же, самостоятельные статьи нарушают системность уголовного права: пособничество не может быть более наказуемым, чем исполнение. Однако по ч. 1 ст. 281.1 санкция — от 8 до 15 лет или пожизненно, а по ч. 1 ст. 281 — от 10 до 20 лет. Получается, что вербовщику может быть назначено наказание, сопоставимое с наказанием исполнителя, а при определённых обстоятельствах — даже более суровое. Вряд ли это можно признать справедливым.

В Казахстане подобных специализированных норм нет. Отсутствие отдельной статьи о содействии диверсии можно рассматривать как определённое отставание в законодательном реагировании. Однако, как показывает практика, общие нормы о соучастии и приготовлении к преступлению могут быть достаточными, если они эффективно применяются. К тому же, самостоятельные статьи создают риск конкуренции и двойного вменения. Перспективным направлением развития уголовного законодательства о диверсии в обоих государствах, по мнению автора, является гармонизация в рамках ЕАЭС и ОДКБ, а также принятие мер по более чёткому разграничению диверсии и террористического акта. Как справедливо отмечается в научной литературе, основным критерием разграничения должен служить объект посягательства и цель деяния: при ди-

версии — подрыв экономической безопасности и обороноспособности через разрушение инфраструктуры, при терроризме — устрашение населения и воздействие на власть [10, с. 12–14].

В заключение следует подчеркнуть, что сравнительный анализ диверсии в законодательстве России и Казахстана выявил не столько различия в текстах статей, сколько в уголовной политике. Россия идёт по пути превентивной репрессии, создавая отдельные составы для стадий, которые и так криминализированы общими нормами. Казахстан сохраняет сдержанность, но расплачивается за это нечёткостью разграничения диверсии и терроризма. Для обеих стран общая проблема — размытость специальной цели «подрыв обороноспособности», которая порождает судейское усмотрение и риск ошибочной квалификации. Эффективным решением могла бы стать замена субъективной цели на объективный критерий — способность деяния причинить вред обороноспособности, которую должен осознавать виновный. Такой подход, хотя и требует модернизации доктрины уголовного права, представляется более отвечающим потребностям борьбы с диверсионными угрозами в XXI веке.

Литература:

1. Прокурор разъясняет — Прокуратура Республики Коми. Об ужесточении уголовной ответственности за диверсионную деятельность [Электронный ресурс]. — 22 февраля 2023. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_11/activity/legal-education/explain?item=85795628 (дата обращения: 09.06.2026).
2. Карабаева А.А. Объект экстремистских преступлений по законодательству Республики Казахстан / А.А. Карабаева // Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. — 2023. — С. 22–28.
3. Уголовно-правовые науки // Криминалистъ. — 2024. — № 4 (49). — С. 37–38.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Справочно-правовая система «Гарант». — URL: https://base.garant.ru/10108000/ (дата обращения: 09.06.2026).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 03.11.2016) // Контур.Норматив. — URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=283585 (дата обращения: 09.06.2026).
6. В России двое белорусов получили 12 лет колонии по делу о диверсии // Радио «Свобода». — 28 октября 2024. — URL: https://www.svoboda.org/a/

v-rossii-dvoe-belorusov-poluchili-12-let-kolonii-po-delu-o-diversii/33176228.html (дата обращения: 09.06.2026).
7. В Чите на сроки до 23 лет осудили 13 человек за диверсии на железной дороге // The Moscow Times. — 2 октября 2024. — URL: https://moscowtimes.org/2024/10/02/vchite-nasroki-do23-let-osudili-13-chelovek-zadiversii-nazheleznoi-doroge-a143779/ (дата обращения: 09.06.2026).
8. Федеральный закон от 29.12.2022 № 586-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). — URL: https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-29122022-n-586-fz-o/ (дата обращения: 09.06.2026).
9. Прокуратура Оренбургской области. Ответственность за преступления, связанные с диверсионной деятельностью [Электронный ресурс]. — 4 марта 2025. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_56/activity/legal-education/explain/e5642880/ (дата обращения: 09.06.2026).
10. Тихонин И.А. Отграничение террористического акта (ст. 205 УК РФ) от диверсии (ст. 281 УК РФ) / И.А. Тихонин // Injust (Институт юстиции СГЮА). — 2022. — С. 477–480.

Реализация права собственности Украины на имущество, расположенное на территории РФ: международно-правовые основания и национальные ограничения (на примере Терскольской обсерватории)

Шищенко Павел Сергеевич, студент
Научный руководитель: Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент
МИРЭА — Российский технологический университет (г. Москва)

Актуальность исследования определяется возрастающим числом объектов иностранной государственной собственности на территории РФ и отсутствием чёткой правовой регламентации порядка реализации правомочий собственника в отношении такого имущества. В статье впервые на конкретном кейсе Терскольской обсерватории, принадлежащей НАН Украины, — комплексно анализируются международно-правовые и национальные нормы права, регулирующие признание права собственности иностранного государства на территории РФ.

Ключевые слова: *международное право, право собственности, иностранная государственная собственность, иммунитет иностранного государства, вещное право.*

В отечественной и зарубежной правовой доктрине вопросы правового режима иностранной собственности и иммунитета иностранного государства исследованы достаточно подробно [1]. Вместе с тем применительно к объектам научной инфраструктуры, в частности к астрономических объектам, расположенным на территории Российской Федерации, комплексных исследований до настоящего времени не проводилось. Правоприменительная практика в отношении Терскольской обсерватории, находящейся в Кабардино-Балкарской Республике, которая одновременно является государственной собственностью Украины и используется РФ, до сих пор не становилась предметом юридического анализа на выявление возможных коллизий в условиях прекращения диплома-

тических отношений между Россией и Украиной, обусловленного длящимся вооружённым конфликтом [2].

Исходя из положений Протокола между Правительством РФ и Кабинетом Министров Украины о правовом статусе (праве собственности) отдельных объектов, расположенных на территории РФ и на территории Украины от 2006 года, на пике Терскол сложилась уникальная правовая ситуация. Земельный участок, на котором размещена обсерватория, находится в федеральной собственности Российской Федерации и относится к особо охраняемых природным территориям (далее — ООПТ). При этом расположенные на данном участке здания, сооружения и научное оборудование является государственной собственностью Украины на основании указанного межправительственного протокола [3].

Ключевым обстоятельством, свидетельствующим о трансформации правовой юрисдикции Терскольской обсерватории, является издание Приказа Российской академии наук N 11.1/оси от 10.03.2016, которое повлекло учреждение и создание центра коллективного пользования обсерваторией в структуре Терскольского филиала Института астрономии РАН [4].

Данный локальный нормативный акт изменил организационно-правовой режим использования объектов, принадлежащих Национальной академии наук Украины на основании межправительственного Протокола от 19.04.2006, что порождает уникальный юридический феномен: вместо совместной эксплуатации, предполагавшей паритетное участие украинской, а впоследствии российской стороны, после событий 2014 года была введена модель централизованного управления над обсерваторией по эгидой российской академической структуры.

Кроме того, статус центра коллективного пользования Терскольской обсерваторией, являясь внутренним организационно-правовым инструментом организации научных исследований в РФ, не предусматривает необходимости получения согласия иностранного собственника на использование его имущества (полезного оборудования).

Исходя из этого, Приказ РАН 2016 года создал легальную фикцию, в рамках которой имущество Украины было включено в российскую научную инфраструктуру без оформления каких-либо договорных отношений (аренды, концессии, сервитута) с собственником. Такая модель де-факто означает односторонний отказ от исполнения условий заключённого между правительствами РФ и Украины межправительственного Протокола в части, касающейся совместного использования и признания прав собственника. С точки зрения гражданского законодательства РФ (ст. 209, 606, 689 ГК РФ), пользование чужим имуществом без заключения договора аренды, ссуды или концессии при отсутствии волеизъявления собственника квалифицируется как неосновательное обогащение (ст. 1102 ГК РФ). Однако специфика публично-правового статуса имущества

иностранного государства и его дальнейшее нахождение в границах ООПТ федерального значения порождают ситуацию, при которой традиционные механизмы гражданско-правовой защиты оказываются заблокированными политическими и административными факторами.

Таким образом, возникает правовой вакуум в сфере регулирования отношений международного характера, при этом впервые ставится вопрос о необходимости комплексного юридического анализа правого режима иностранной астрономической инфраструктуры, расположенной на ООПТ РФ, в условиях прекращения межгосударственного научного сотрудничества. Практическая значимость настоящего исследования, по нашему мнению, заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы для совершенствования законодательства регулирующих научные объекты, размещённых на землях ООПТ с биполярным административным управлением, а также дальнейшей выработки рекомендаций по урегулированию аналогичных споров о юрисдикции в отношении пользования имуществом иностранных государств.

Так, в соответствии с ч. 4. ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры и соглашения РФ являются составной частью её правовой системы. Кроме того, Россия обязана добросовестно исполнять принятые на себя международно-правовые обязательства в силу принципа «pacta sunt servanda» (пер. с латинского «договоры должны соблюдаться»), закреплённого в статье 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года [5].

Таким образом, сложившаяся правовая ситуация представляет собой юридический вакуум: международный договор признаёт право собственности Украины, но не обеспечивает механизмов его реализации, а российское национальное право не содержит оснований для законного использования данного имущества, однако фактически допускает его эксплуатацию. При этом ни одна из сторон не располагает эффективным инструментарием для изменения сложившегося положения Протокола. Единственным законном способом решения данной правовой коллизии является заключение обновлённого двустороннего соглашения между Российской Федерацией и Украиной, которое бы урегулировало судьбу объекта либо путём полной передачи его в собственность РФ де-юро со всей сопутствующей компенсацией, либо путём оформления договора аренды или иного титульного пользования на взаимовыгодных условиях. Однако в текущих политических реалиях реализация такого сценария предоставляется практически невозможной, что позволяет квалифицировать ситуацию вокруг Терскольской обсерватории как классический пример юрисдикционного конфликта интересов, не имеющего правового разрешения в рамках существующих институтов международного и национального права.

При этом на основании упомянутого ранее Протокола собственником зданий, сооружений и научного оборудования обсерватории является Украина. Указанный договор не денонсирован, не приостановлен и не расторгнут, в связи с чем сохраняет свою юридическую силу. Российская Федерация, в свою очередь, обязана добросовестно исполнять принятые на себя международные обязательства и не вправе ссылаться на положения своего внутреннего законодательства в оправдание на их дальнейшее неисполнение.

В связи с изложенным предлагается:

1. Внести изменения в ведомственные нормативные акты, регламентирующие деятельность центров коллективного пользования научным оборудованием, предусмотрев особый порядок использования имущества, находящегося в иностранной собственности, с обязательным уведомлением собственника и заключением временного соглашения о пользовании на условиях, обеспечивающих сохранность объекта и соблюдение баланса интересов сторон.

2. Разработать на уровне Правительства Российской Федерации проект федерального закона, регулирующего правовой статус объектов научной инфраструктуры, расположенных на особо охраняемых природных территориях и находящихся в собственности иностранных государств, с закреплением механизмов временного пользования, консервации или выкупа такого имущества в случаях прекращения межгосударственного сотрудничества.

3. Рекомендовать Министерству иностранных дел Российской Федерации инициировать в рамках существующих дипломатических каналов предложение украинской стороне о возобновлении переговорного процесса по вопросу урегулирования правового статуса Терскольской обсерватории, в том числе с целью заключения отдельного соглашения о порядке пользования, либо о передаче объекта в собственность Российской Федерации с выплатой справедливой компенсации, либо о передаче объекта под временное управление международной научной организации на период до нормализации межгосударственных отношений.

Литература:

1. Данельян А. А. Международно-правовой режим иностранных инвестиций: автореф. дис. д-ра юрид. наук: 12.00.10. — М., 2016. — URL: https://www.dissercat.com/content/mezhdunarodno-pravovoi-rezhim-inostrannykh-investitsii (дата обращения: 05.09.2026).
2. О подписании Протокола между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Украины о правовом статусе (праве собственности) отдельных объектов, расположенных на территории Российской

Федерации и на территории Украины: Постановление Правительства РФ от 5 нояб. 2003 г. № 675. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102084044&page=1&rdk=1&link_id=8#I0 (дата обращения: 05.09.2026).

3. Перечень объектов (имущества) Национальной академии наук Украины в имущественном комплексе Международного центра астрономических и медико-экологических исследований: приложение к Протоколу между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Украины о правовом статусе (праве собственности) отдельных объектов, расположенных на территории Российской Федерации и на территории Украины. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102084044&page=1&rdk=1&link_id=8#I0 (дата обращения: 05.09.2026).
4. Приказ Российской академии наук от 10 марта 2016 г. № 11.1/оси «Об образовании уникальной научной установки «Телескоп Цейсс-2000» на базе Центра коллективного пользования «Терскольская обсерватория»» // Положение об уникальной научной установке «Телескоп Цейсс-2000» (2-м телескоп с автоматической системой управления) в составе оборудования ЦКП «Терскольская обсерватория» (утв. 27.04.2016 г.). — URL: https://ckp-rf.ru/upload/iblock/85b/85b1172b629b2be6853d3e6bdeb33532.pdf (дата обращения: 05.09.2026).
5. Венская конвенция о праве международных договоров (заключена в г. Вене 23.05.1969) // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1986. — № 37. — Ст. 772. — URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/ILC-1969–3 (дата обращения: 05.09.2026).

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 9 (61) / 2026

Выпускающий редактор Г.А. Письменная
Ответственные редакторы Е.И. Осянина, О.А. Шульга, З.А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О.В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU,
на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».
420029, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.
Номер подписан в печать 18.11.2026. Дата выхода в свет: 21.11.2026.
Формат 60 × 90/16. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121
Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.
E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/
Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.